

Горский-Платонов П. Я. Народная Библия во времена Христа Спасителя: [Речь, произнесенная на публичном акте Московской Духовной Академии, 1-го октября 1880 года, экстраординарным профессором Павлом Горским-Платоновым] // Прибавления к Творениям св. Отцов 1880. Ч. 26. Кн. 4. С. 1070–1085 (1-я пагин.).

НАРОДНАЯ БИБЛІЯ

ВО ВРЕМЕНА ХРИСТА СПАСИТЕЛЯ.

РѢЧЬ,

произнесенная на публичномъ актѣ Московской Духовной Академіи, 1-го октября 1880 года, экстраординарнымъ профессоромъ Павломъ Горскимъ-Платоновымъ.

Позвольте предложить вашему вниманію нѣсколько словъ объ одномъ недавнемъ открытіи въ области знанія Священнаго Писанія. Разумѣю новый, доселѣ никому неизвѣстный сирскій текстъ ветхаго завѣта, открытый нѣмецкимъ ученымъ Бэлемъ, тотъ самый текстъ, который читали и Спаситель и Апостолы и по которому приводятся ветхозавѣтныя свидѣтельства въ Евангеліяхъ и Посланіяхъ. Сколь важно открытіе этого текста, особенно въ виду разностей, отличающихъ текстъ приводимыхъ въ новомъ завѣтѣ ветхозавѣтныхъ свидѣтельствъ отъ текста еврейскаго и греческаго,—говорить объ этомъ передъ вами было бы излишне.

Исторія открытія текста сирской народной библии, употреблявшейся во времена Христа Спасителя, не похожа на исторію открытія другихъ древнихъ памятниковъ подобнаго рода. Обыкновенно открытіе ихъ происходило такъ, что тотъ или другой трудолюби-

вый изслѣдователь древнихъ манускриптовъ болѣе или менѣе неожиданно находилъ неизвѣстную дотолѣ рукопись или же отрывки изъ нея. Открытіе текста той „народной библии“, о которой идетъ наша рѣчь, произошло не такъ. Путь, который привелъ Бэля къ его открытію, былъ труденъ. По его собственному, нѣсколько изысканному выраженію, ему пришлось пролагать дорогу „по горному хребту, обиловавшему движущимися ледниками и пропастями, пока наконецъ онъ спустился въ равнину и получилъ возможность спокойно порадоваться на результаты, добытые на этомъ пути“ *).

Поучительно было прослѣдить путь столь трудный и въ то же время столь важный по своимъ послѣдствіямъ. Я ходилъ за авторомъ по указанному имъ пути, видѣлъ пропасти великія, но на равнину не вышелъ, а возвратился на прежнее мѣсто. О причинахъ, отъ которыхъ зависѣло полученіе столь неутѣшительнаго послѣдствія, представляю вамъ краткій отчетъ.

Авторъ, открывшій новую „народную библию“ времени Христа Спасителя, начинаетъ приводить читателя къ убѣжденію въ необходимости признать это открытіе за несомнѣнное пріобрѣтеніе науки изслѣдованіемъ времени происхожденія греческаго перевода LXX. Въ своемъ изслѣдованіи авторъ приходитъ къ заключенію давно извѣстному, противъ котораго въ данномъ случаѣ нѣтъ никакой нужды спорить, хотя оно и не совсѣмъ точно, именно къ заключенію, что переводъ LXX явился при первыхъ Птоло-

*) Böhl, Forschungen nach einer Volks—bibel zur Zeit Jesu, стр. 28, Wien, 1873.

Развигію сужденій, высказанныхъ въ поименованной книгѣ, посвящено и другое сочиненіе того же автора подъ заглавіемъ: Die alttestamentlichen Citate im neuen Testament, Wien, 1878.

меяхъ, и во всякомъ случаѣ прежде, чѣмъ внукъ Си-раха перевелъ на греческій языкъ книгу своего дѣда. Для Бэля этотъ результатъ дорогъ потому, что онъ надѣется присоединить къ нему другіе выводы, которые могли бы помочь ему въ разрѣшеніи поставленной имъ для себя задачи.

Если переводъ LXX появился рано, не позднѣе первыхъ Птолемеевъ, то хорошо было бы, такъ думается Бэлю, присоединить къ этому положенію и такое положеніе, что переводъ LXX рано приобрѣлъ себѣ широкое распространеніе среди какъ язычниковъ, такъ и іудеевъ.

За отсутствіемъ доказательствъ, способныхъ привести къ мысли о распространеніи греческаго перевода между язычниками, авторъ приводитъ уже отысканныя чужими трудами свидѣтельства, нѣсколько похожія на доказательства, но въ дѣйствительности не принадлежащія къ числу таковыхъ. Такъ онъ даетъ особенно видное мѣсто свидѣтельствамъ Гекатея и Мегасѳена. Не привожу этихъ свидѣтельствъ и потому, что они не заключаютъ въ себѣ ни прямыхъ, ни косвенныхъ указаній на знакомство упомянутыхъ авторовъ съ переводомъ LXX, и потому, что Гекатей, спутникъ Александра Македонскаго въ его походахъ, едва ли могъ дожить до появленія этого перевода, и потому наконецъ, что Бэль не въ силахъ будетъ извлечь что нибудь въ пользу мысли о существованіи особенной, народной библии во времена Христа Спасителя, если бы и удалось ему найти не такія, а другія, болѣе уважительныя свидѣтельства о раннемъ знакомствѣ язычниковъ съ греческимъ переводомъ ветхозавѣтныхъ книгъ.

Но такихъ, хотя бы и бесполезныхъ для дѣла, свидѣтельствъ нѣтъ, и автору, послѣ указаній на Гекатея и Мегасѳена, приходится прибѣгать къ пред-

положеніямъ, что будто знакомство съ переводомъ LXX не давало египетскому историку Манеѳону спать спокойно, и что будто бы такое же безпокойство причинялъ этотъ переводъ и халдейскому историку Берозу.

Легче автору находить подтвержденіе той мысли, что греческій переводъ ветхозавѣтныхъ книгъ былъ извѣстенъ не однимъ огречившимся Александрійскимъ іудеямъ, но и іудеямъ Палестинскимъ, особенно времени, близкаго къ началу церкви христіанской. Уважительными историческими свидѣтельствами и съ большею обстоятельностью, чѣмъ сдѣлано это въ разбираемой книгѣ, можно доказать, что греческая образованность и греческій языкъ нашли себѣ доступъ въ Палестину, что употребленіе греческаго перевода ветхозавѣтныхъ книгъ около времени Рождества Христова было довольно распространено и между іудеями палестинскими. При этомъ, припоминая дѣятельность іудейскихъ учителей по составленію таргумовъ или перифразовъ священныхъ книгъ на арамейскомъ языкѣ, не будетъ нужды прибѣгать къ усиленнымъ, но несправедливымъ попыткамъ говорить, какъ это видимъ у Бэля, что будто греческое образованіе, греческій языкъ, греческій переводъ, получили такое преобладаніе, вслѣдствіе котораго вожди народа іудейскаго ничего и не могли давать народу въ объясненіе священнаго писанія, кромѣ перевода LXX, не могли противопоставить ему ничего самостоятельнаго. Говоря такія вещи, Бэль, можетъ быть, и чувствуетъ, что впадаетъ въ преувеличенія: но они ему нужны; безъ нихъ онъ никакъ не можетъ придти къ желанному для него результату. А желательно ему получить сирскую библію, переведенную для народа съ греческаго перевода LXX. Если греческое образованіе преобладало въ Палестинѣ; если грече-

скій языкъ былъ весьма распространенъ; если, вслѣдствіе того, греческій переводъ могъ найти себѣ широкое распространеніе въ Палестинѣ: то, по мнѣнію Бэля, легко уже будетъ допустить, что въ случаѣ нужды дать народу библию на народномъ тогда, арамейскомъ, языкѣ, подлинникомъ для этого перевода могъ послужить переводъ LXX. При этомъ Бэль, очевидно, забываетъ, что чѣмъ усерднѣе онъ доказываетъ великое распространеніе въ Палестинѣ перевода греческаго: тѣмъ менѣе остается мѣста для изобрѣтенной имъ народной библии, переведенной съ греческаго. Чѣмъ доступнѣе подлинникъ, какимъ думаетъ считать Бэль переводъ греческій: тѣмъ излишнѣе переводъ съ доступнаго подлинника.

Указаніями на распространеніе перевода греческаго подготавливая читателя къ мысли о возможности появленія въ Палестинѣ такого перевода библии на народный языкъ, который сдѣланъ былъ бы съ перевода греческаго, Бэль, въ тѣхъ же подготовительныхъ видахъ, желаетъ доказывать, что самаританскій переводъ пятокнижія сдѣланъ съ перевода LXX. Эта мысль полезна автору по двумъ причинамъ. Во первыхъ, если самаританскій переводъ сдѣланъ съ греческаго: то ясно, что переводъ греческій рано сталъ пользоваться уваженіемъ въ Палестинѣ. Во вторыхъ, если самаританскій переводъ сдѣланъ съ греческаго: то имѣя предъ глазами этотъ готовый образецъ перевода съ перевода, легче можемъ согласиться съ мыслию, что возможенъ былъ и другой, сирскій переводъ съ того же греческаго подлинника. Итакъ польза отъ мысли, что самаританскій переводъ сдѣланъ съ греческаго, довольно велика: но доказать эту мысль нечѣмъ. За отсутствіемъ доказательствъ, авторъ обращаетъ вниманіе на случаи сходства между самаританскимъ и греческимъ переводами. Случай сходства

дѣйствительно есть, и не въ маломъ количествѣ. Но чѣмъ изъяснить ихъ? Тѣмъ ли, что составители самаританскаго перевода пользовались греческимъ переводомъ? Или тѣмъ, что греческіе переводчики имѣли въ виду и самаританскій переводъ? Или тѣмъ, что переводчики и того другаго перевода, не имѣя въ виду одни другихъ, переводили съ такихъ еврейскихъ кодексовъ, которые были между собою сходны въ нѣкоторыхъ, весьма незначительныхъ, случаяхъ несходства съ другими еврейскими кодексами? Или тѣмъ что въ текстъ LXX впоследствии вошли нѣкоторыя поправки, заимствованныя изъ такъ называемаго *Σαμαρειτικόν*, то есть, упоминаемаго нѣкоторыми изъ древнихъ писателей греческаго перевода, сдѣланнаго съ самаританскаго пятокнижія? Или тѣмъ, что въ самаританское пятокнижіе вошли впоследствии нѣкоторыя поправки, сдѣланныя на основаніи греческаго перевода? Или тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ возможна была одинаковость ошибки и со стороны самаританскихъ и со стороны греческихъ переводчиковъ пятокнижія? Предположенія, какъ видите, можно сдѣлать различныя: но во всякомъ случаѣ противъ перваго предположенія, то есть, противъ предположенія, что составители самаританскаго перевода пользовались переводомъ греческимъ, возстаетъ нужда признать переводъ самаританскій болѣе древнимъ, чѣмъ переводъ греческій. Нужда эта проистекаетъ изъ того, что самарянамъ неизбѣжно было имѣть у себѣ пятокнижіе въ то время, когда они устроили себѣ храмъ, по образцу Іерусалимскаго, когда они совершали въ немъ богослуженіе по закону Моисееву, когда они имѣли у себя іерархію съ первосвященникомъ во главѣ, братомъ первосвященника іудейскаго. А все это было у самарянъ ранѣе появленія перевода LXX, и все это говоритъ въ пользу мысли о болѣе ран-

немъ происхожденіи перевода самаританскаго, сравнительно съ переводомъ LXX.

Бэль понимаетъ, что ему неудобно отстоять большую древность перевода LXX сравнительно съ переводомъ самаританскимъ; но это не приводитъ его въ уныніе. У него есть въ запасѣ другое предположеніе, при помощи котораго можно объяснить сходство перевода самаританскаго съ греческимъ, не допуская однакоже самостоятельности перевода самаританскаго, а выводя это сходство такъ же изъ перевода греческаго. Онъ думаетъ, что прежде перевода LXX существовалъ болѣе древній переводъ греческій, обнимавшій собою только пятокнижіе. Этимъ болѣе древнимъ переводомъ могли пользоваться самаританскіе переводчики; имъ же пользовались при переводѣ пятокнижія и LXX. Отсюда и сходство въ переводахъ самаританскомъ и LXX.

Новый оборотъ мыслей автора дѣлаетъ совершенно бесполезными предшествующія его разсужденія о вліяніи греческаго образованія и греческаго языка на іудеевъ. Эти разсужденія нужны были для того, чтобы объяснить возможность появленія въ Палестинѣ переводовъ библіи на туземный языкъ, сдѣланныхъ съ перевода LXX. А теперь, съ появленіемъ предположеній о давнемъ, до—Птоломеевскомъ греческомъ переводѣ, открываются виды, совершенно новые, для которыхъ нисколько не нужны ни вліяніе на Палестину греческаго образованія, ни вторженіе въ нее греческаго языка, начавшіяся только со временъ Александра Македонскаго. Если еще Платонъ философъ, жившій задолго до временъ Александра Македонскаго, могъ почерпнуть значительную часть своей мудрости изъ стариннаго греческаго перевода пятокнижія, которымъ іудеи въ видахъ прозелитизма подѣлились съ греками: то іудеямъ не нужно было дожидаться по-

явленія перевода LXX, чтобы переводить съ греческаго на свой туземный языкъ. Давая переводъ другимъ, они, конечно, имѣли его и сами. И если бы по необъяснимымъ причинамъ іудеямъ пришлось въ дѣйствительности сначала дать другимъ греческій переводъ своихъ священныхъ книгъ, а затѣмъ воспользоваться переводомъ греческимъ какъ подлинникомъ, съ котораго нужно было сдѣлать переводъ на свой туземный. арамейскій языкъ: то естественно же было бы имъ вспомнить при этомъ случаѣ о своемъ старомъ греческомъ переходѣ, тѣмъ болѣе, что старый греческій переводъ былъ очень хорошъ.

Если вы, Мм. Гг., замѣтите мнѣ здѣсь, что непозволительно такъ быстро летать фантазією и что прежде сужденія о качествахъ стариннаго, до — Птолемея греческаго перевода слѣдуетъ доказать самое бытіе этого перевода: то я слѣдуя за Бэлемъ, не въ состояніи буду удовлетворить ваше справедливое требованіе. Все, что можно привести историческаго въ пользу мысли о бытіи стариннаго греческаго перевода пятокнижія, извѣстнаго и философамъ греческимъ, сводится въ существѣ дѣла къ одному свидѣтельству, давно извѣстному и давно утратившему значеніе. Это свидѣтельство принадлежитъ нѣкому Аристовулу, о которомъ думаютъ, что онъ жилъ при одномъ изъ Птолемеявъ. Этотъ то Аристовуль и говоритъ, что Платонъ воспользовался для своей философіи стариннымъ греческимъ переводомъ пятокнижія. Если васъ не удовлетворитъ это свидѣтельство, имѣющее характеръ благочестиваго или вѣроятнаго, патристическаго вымысла: то за отсутствіемъ другихъ доказательствъ бытія стариннаго греческаго перевода, намъ придется ограничиться сужденіями объ его качествахъ, и изъ сужденія объ его качествахъ вывести новое доказательство его бытія.

Старинный греческій переводъ пятокнижія былъ очень хорошъ. Это открывается изъ того, что у LXX очень хорошъ переводъ пятокнижія. По словамъ Бэля, LXX переводчиковъ „торопились съ своимъ дѣломъ“; „впередъ“ было ихъ лозунгомъ; что не гнулось у нихъ, то они ломали“. Если же, не смотря на торопливость, переводъ пятокнижія вышелъ у нихъ хорошъ: то ясно, что LXX пользовались стариннымъ очень хорошимъ переводомъ, и здѣсь заключается новое доказательство бытія стариннаго греческаго перевода пятокнижія.

Къ этому разсужденію не нахожу нужнымъ присоединять какія-нибудь примѣчанія. Дѣло ясно говоритъ само противъ себя.

Если авторъ имѣлъ право надѣяться, что произведенными до сего пункта изысканіями онъ подготовилъ твердую почву, на которой смѣло можно будетъ поставить сирскую біблію, переведенную съ греческаго: то читатели съ большимъ правомъ могутъ порадоваться тому, что подготовленію ихъ къ принятію ново-открытой бібліи наступилъ конецъ, и что они съ полною свободою могутъ приступить къ имѣющей быть показанною, послѣ предварительныхъ приготовленій, народной бібліи временъ Христа Спасителя.

Если нельзя сказать, что Бэль достаточно предрасположилъ насъ къ мысли о возможности допустить существованія новаго, особаго перевода бібліи, сдѣланнаго съ LXX и обращавшагося въ Палестинѣ: то не въ бѣльшей степени удовлетворятъ насъ доказательства дѣйствительнаго существованія сирской бібліи, переведенной съ греческаго.

Запасъ доказательствъ, какія авторъ можетъ предложить въ пользу своего положенія о существованіи сирской бібліи, весьма ограниченъ. Собственно говоря, онъ имѣетъ одно только доказательство. Онъ

находить его въ томъ дополненіи, которое прибавлено въ греческомъ переводѣ LXX къ послѣднему стиху послѣдней главы книги Іова. Это дополненіе въ нашемъ славянскомъ переводѣ начинается такъ: *писано же есть паки возстати ему, съ ними же Господь возставитъ и. Тако толкуется отъ Сирскія книги. Въ земли убо живый Асситидійстѣй, на предѣлахъ Іудеи и Аравіи: прежде же баше имя ему Іововъ.* Въ греческомъ подлинникѣ это мѣсто читается такъ: γέγραπται δὲ αὐτὸν πάλιν ἀναστήσεσθαι, μεθ' ὧν ὁ κύριος ἀνίστησιν. οὗτος ἐρμηνεύεται ἐκ τῆς συριακῆς βίβλου. Ἐν μὲν γῆ κατοικῶν τῇ Ἀσσιτίδι и т. д. Здѣсь для автора драгоцѣвны слова: οὗτος ἐρμηνεύεται ἐκ τῆς συριακῆς βίβλου, и онъ переводитъ ихъ такъ: „о немъ (Іовѣ) сообщается изъ сирской библии, что онъ жилъ и проч.“ Въ подчеркнутыхъ мною словахъ заключенъ источникъ всей разбираемой мною книги.

Что же это за *сирская книга*, которая у Бэля обратилась въ сирскую библию?

Положительнаго отвѣта на предложенный вопросъ дать нельзя. Можетъ быть это былъ сирскій таргумъ на книгу Іова. Можетъ быть это была сирская книга неизвѣстнаго содержанія, въ которой найдено составителемъ греческой прибавки къ книгѣ Іова преданіе о мѣстѣ жительства и родословіи Іова. Можетъ быть это была сирская древняя первоначальная запись исторіи Іова. Можетъ быть это была книга, написанная не на сирскомъ, а на еврейскомъ языкѣ, потому что въ древности иные называли Палестину Сирією и обитателей Палестины сирійцами. Каждое изъ этихъ предположеній одинаково не имѣетъ доказательствъ ни за себя, ни противъ себя. Но Бэля не смущаетъ это. Онъ вѣруеть, что нашель свидѣтельство о сирскомъ таргумѣ на книгу Іова и что бытіе этого таргума несомнительно доказывается выраженіемъ: *сир-*

ская книга. Увлекаясь своимъ вѣрованіемъ, онъ забываетъ даже необходимость опредѣлить время, когда появилось прибавленіе, упоминающее о сирской книгѣ, —современно ли оно переводчикамъ, или приставлено позднѣйшею рукою, которая можетъ быть и оставила слѣды времени болѣе поздняго, чѣмъ вѣкъ LXX? При внимательномъ разсмотрѣніи приставки могло бы оказаться, что есть достаточныя основанія не приписывать ее LXX, что, замѣчу мимоходомъ. и выразилось опущеніемъ этого дополненія въ нашемъ русскомъ переводѣ книги Іова.

Но мысль Бэля не съ этой стороны ждетъ на себя нападеній. Она желаетъ укрыться отъ замѣчанія, что *книга сирская* еще не значитъ: *библія сирская.* Авторъ, такъ смѣло поставившій *библію* вмѣсто *книги*, желаетъ стать подъ защиту такого разсужденія: изъ свидѣтельства LXX знаемъ *несомнительно*, что книга Іова была переведена на сирскій языкъ. А такъ какъ переводить начали, конечно, не съ книги Іова: то отсюда *слѣдуетъ*, что переводъ другихъ книгъ ветхозавѣтныхъ на народный сирскій языкъ еще древнѣе. Въ разъясненіи ошибочности этого вывода изъ произвольнаго предположенія надобности, конечно, нѣтъ.

Автора не смущаетъ и другое обстоятельство, способное, однакоже, приводить въ смущеніе. Книга *сирская*, *библія сирская*: но зачѣмъ все это *сирское*? Вліяніе сирскаго языка на іудеевъ началось только съ того времени, когда они подпали сирскому владычеству, то есть, по смерти Александра Македонскаго. А если переводъ LXX, изъ котораго взято свидѣтельство о сирской книгѣ, явился во времена первыхъ Птолемеевъ: то очевиденъ недостатокъ времени, въ которое можно было бы іудеямъ испытать на себѣ вліяніе сирскаго владычества, и съ нимъ и сир-

скаго языка, а вмѣстѣ съ тѣмъ и почувствовать нужду въ сирскомъ переводѣ книги Іова. Бэль думаетъ укрыться въ этомъ случаѣ подъ защиту предположенія, что слову: *сирскій* не нужно давать точнаго значенія, а нужно разумѣть подъ нимъ смѣсь еврейскаго съ халдейскимъ. Но облегчая себя этимъ предположеніемъ въ одномъ, авторъ отягчаетъ себя въ другомъ. Если старый мнимый переводъ или таргумъ былъ составленъ на языкѣ, представляющемъ смѣсь еврейскаго съ халдейскимъ, унаслѣдованнымъ отъ времени плѣна Вавилонскаго: то онъ мало пригоденъ былъ для послѣдующихъ поколѣній не сомнительно осирившихся, то есть усвоившихъ себѣ въ значительной степени языкъ сирскій, или точнѣе, арамейскій, и замѣнившихъ свой родной, древне-еврейскій языкъ смѣсью сирскаго съ еврейскимъ. А между тѣмъ послѣдующія поколѣнія, болѣе близкія ко времени Рождества Христова, они-то собственно и дороги для Бэля; онъ и открываетъ именно ихъ народную, всѣмъ понятную, арамейскую библию, а совсѣмъ не устарѣлый, мало понятный еврейско-халдейскій таргумъ.

Быстрота автора въ построеніи соображеній, не отличающихся устойчивостію, заслуживаетъ вниманія: но еще въ большей степени возбуждаетъ наше вниманіе и даже удивленіе та быстрота, съ какою онъ, и притомъ безъ всякаго сожалѣнія, покидаетъ собственные соображенія, выхоженныя повидимому съ заботливостію, — покидаетъ въ дальнѣйшей дорогѣ къ намѣченной цѣли, какъ будто желая облегчить себя отъ излишняго груза. Такъ мысль о существованіи древняго сирскаго перевода библии, извѣстнаго еще LXX, — мысль, которой давалось самимъ авторомъ важное мѣсто въ ходѣ изслѣдованія, въ дальнѣйшемъ теченіи мыслей автора испаряется почти безслѣдно, оставивъ послѣ себя въ наслѣдство только слова:

сирская библия,—слова, уже являющіяся, такъ сказать, безъ ограниченія предѣлами пространства и времени. Позволяю себѣ это выраженіе въ виду того, что Бэль, придя къ выводу о существованіи сирской библии во времена LXX, начинаетъ затѣмъ доказывать, что сирская библия была переведена съ греческаго перевода LXX. Семьдесятъ заимствуютъ дополненіе къ книгѣ Іова изъ сирской библии, и, въ то же время, сирская библия переведена съ перевода LXX. Желательно было бы видѣть въ подобныхъ обстоятельствахъ, по крайней мѣрѣ, такой ходъ мыслей: переводы библии на сирскій языкъ бывали; извѣстенъ древній переводъ, на который ссылаются еще LXX; потомъ явился новый сирскій переводъ, сдѣланный съ LXX. Если бы такъ велъ авторъ свои мысли: они были бы, хотя и неосновательны, но за то доступны. А теперь, при томъ ходѣ мыслей, какой видимъ у автора, нельзя не подивиться высвобожденію сирской библии изъ ограниченій пространства и времени. Дѣлать нечего; остается припомнить, что самъ авторъ указывалъ на обиліе движущихся ледниковъ и пропастей и затѣмъ посмотрѣть, какъ онъ совершаетъ свой дальнѣйшій путь.

„Сирская народная библия временъ Христа Спасителя была переведена съ греческаго перевода LXX.“ Раскрывая это положеніе, авторъ одновременно желаетъ достигнуть двухъ цѣлей: во первыхъ, доказать, что существовала сирская народная библия, и, во вторыхъ опредѣлить ея качество. Но ни при раздѣльномъ, ни при одновременномъ слѣдованіи къ предположеннымъ авторомъ цѣлямъ достигнуть ихъ нельзя.

Бытіе и качество сирской народной библии открываются, по мнѣнію Бэля, изъ тѣхъ мѣстъ ветхаго Завѣта, которыя приводятся новозавѣтными священ-

ными писателями въ евангеліяхъ и посланіяхъ. Изъ разбора этихъ мѣстъ видно, — такъ думаетъ Бэль, — что они приводятся по большей части согласно съ греческимъ переводомъ. Хотя и нельзя признать этотъ выводъ справедливымъ, но разбирать его здѣсь было бы излишне, потому что, даже признавъ выводъ справедливымъ, невозможно будетъ признать справедливымъ дальнѣйшее слѣдствіе, изъ него выводимое. Изъ предполагаемаго согласія ветхозавѣтныхъ цитатъ, приводимыхъ новозавѣтными писателями, съ греческимъ переводомъ можно было бы вывести то заключеніе, что новозавѣтные писатели пользовались греческимъ переводомъ: а Бэль выводитъ то заключеніе, что сирская библия была переведена съ греческаго перевода LXX. Онъ рассуждаетъ такъ: мѣста ветхаго Завѣта, приводимыя новозавѣтными писателями, приводятся ими, по большей части, согласно съ греческимъ текстомъ LXX; а такъ какъ новозавѣтные писатели употребляли сирскую библию: то, слѣдовательно, сирская библия была переведена съ греческаго перевода. По совершенной произвольности предположенія, что новозавѣтные писатели употребляли сирскую библию, и опредѣленіе качества сирской библии, выводимое путемъ подобныхъ предположеній, никакой силы имѣть не можетъ.

Какъ сходство новозавѣтныхъ цитатъ изъ ветхаго Завѣта съ соотвѣтствующими мѣстами греческаго перевода LXX пролагаетъ для автора путь къ опредѣленію качества сирской библии: такъ и несходство между текстомъ новозавѣтнымъ и текстомъ LXX служитъ для него новымъ средствомъ опредѣлить качество сирской библии. Бэль думаетъ, что изъ случаевъ несходства цитатъ нужно вывести то заключеніе, что редакторы сирской библии по мѣстамъ свободно относились къ греческому переводу, передавали его не

точно, по своему, а за ними шли и новозавѣтные писатели. Построивши такія сужденія, Бэль, впрочемъ, самъ же и отнимаетъ у нихъ всякое значеніе замѣчаніемъ, что не можемъ же мы слишкомъ ограничивать новозавѣтныхъ писателей въ ихъ свободѣ, что они не были же рабски привязаны къ народной библіи. Такимъ образомъ и послѣдній, такъ сказать, призракъ почвы для умозаключеній о качествѣ сирской библіи исчезаетъ совершенно.

Сходство въ ветхозавѣтныхъ цитатахъ, приводимыхъ евангелистами—*синоптиками*, служа для Бэля средствомъ опредѣлить качество сирской библіи, въ то же время служитъ средствомъ и доказать ея бытіе. Если евангелисты-синоптики приводятъ какое нибудь мѣсто изъ ветхаго завѣта въ одинаковыхъ словахъ, но отличныхъ отъ тѣхъ, какія употреблены въ греческомъ переводѣ и въ еврейской библіи: то отсюда, по мнѣнію Бэля, слѣдуетъ, что евангелисты приводятъ это мѣсто по сирской библіи; стало быть, она существовала. И такъ сходство въ указанныхъ случаяхъ доказываетъ, по мнѣнію Бэля, бытіе сирской библіи. А разногласіе въ указанныхъ случаяхъ что доказываетъ? На этотъ вопросъ Бэль отвѣчаетъ: для сродства возможно только одно основаніе—зависимость отъ сирской библіи; а для разностей въ цитатахъ евангелистовъ-синоптиковъ основаній много. Въ этихъ словахъ нѣтъ отвѣта на данный вопросъ; и сходство и несходство въ цитатахъ могли исходить изъ различныхъ основаній, не имѣющихъ ничего общаго съ мыслью о сирской библіи.

Новое подтвержденіе дѣйствительному существованію сирской народной библіи авторъ усматриваетъ въ разнообразіи полезныхъ послѣдствій, истекающихъ отъ признанія сирской библіи не за вымысль фантазіи, а за истинный историческій фактъ.

Бытіемъ сирской бібліи можно было бы объяснить тѣ мѣста въ новомъ Завѣтѣ, въ которыхъ приводятся ветхозавѣтныя свидѣтельства, не встрѣчающіяся однакоже въ приводимомъ и даже въ близкомъ видѣ ни въ еврейскомъ текстѣ, ни въ греческомъ переводѣ. Существованіе такихъ мѣстъ въ новомъ Завѣтѣ можно было бы изъяснить предположеніемъ, что таковыя мѣста существовали въ сирской народной бібліи.

Бытіемъ сирской бібліи можно было бы объяснить разности въ выраженіяхъ, заимствованныхъ новозавѣтными писателями очевидно изъ греческаго перевода ветхаго Завѣта, но не буквально. Источникъ этой не буквальности можно было бы найти въ сирской бібліи.

Бытіе сирской бібліи полезно было бы допустить и по вниманію къ тому, что она была нужна для народа.

Отрицать возможность разнообразныхъ полезныхъ послѣдствій, имѣющихъ произойти отъ признанія существованія сирской бібліи, конечно, нѣтъ нужды. Въ видахъ пользы не одну сирскую біблію можно выдумать, а многое и другое, что, будучи признано за дѣйствительно существующее, оказалось бы весьма пригоднымъ въ различныхъ отношеніяхъ: но, кромѣ пользы, нужны же и основанія для введенія придумываемаго предмета въ область дѣйствительнаго бытія. А ихъ для сирской народной бібліи временъ Христа Спасителя нѣтъ. Нигдѣ и ни у кого нѣтъ и малаго, хотя бы мимоходомъ брошеннаго, упоминанія объ этой бібліи. Автора, очевидно, занимали трудные вопросы, вызываемые ветхозавѣтными цитатами, встрѣчающимися у писателей новозавѣтныхъ. Онъ искалъ рѣшенія этихъ вопросовъ. Упоминаніе греческаго перевода о какой-то сирской книгѣ навело его на мысль о сирской бібліи. Не будь этого упоминанія, и не было бы книги о сирской народной бібліи, и я не имѣлъ бы чести бесѣдовать въ вашемъ присутствіи объ этомъ предметѣ